

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет

*Посвящается
65-летию Южно-Уральского
государственного университета*

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 60-й юбилейной научной конференции

**СЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Том 1

Челябинск
Издательство ЮУрГУ
2008

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43
Н34

Оргкомитет 60-й научной конференции:

Ваулин С.Д. (председатель), Рождественский Ю.В., Спасибожко В.В., Шабиев С.Г., Спиридонов Е.К., Старшинов Е.Н., Шестеркина Л.П., Парфентьева Н.В., Каточков В.М., Хомутова Т.Н., Горшенин В.П., Дрозин А.Д., Гусев В.И., Ровный Б.И., Казаринов Л.С., Батурин Н.А., Лившиц В.А., Кундикова Н.Д., Корягин Ю.Д., Быков Е.В., Киселева В.А., Баев И.А., Хохлов Ю.И., Майоров В.И., Бородкина В.П., Волошина И.А., Чуманов В.И., Войнов И.В., Балахонов И.М., Шкерин Г.А., Борщенко В.Н., Десятова Е.Ю., Наумов А.В., Рокутов С.В., Кравцов А.И., Романова А.В.

Ответственный за выпуск С.Д. Ваулин

Н34 **Наука ЮУрГУ: материалы 60-й юбилейной научной конференции. Секции естественно-научных и гуманитарных наук. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – Т. 1. – 194 с.**

ISBN 978-5-696-03823-0

Представлены материалы 60-й научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников, которая состоялась в апреле 2008 года.

Отпечатано с авторских оригиналов.

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43

ISBN 978-5-696-03823-0

© Издательство ЮУрГУ, 2008

РИТМЫ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ: ИМПУЛЬС VI в. до н. э.

А.Д. Таиров

Анализ погребальных памятников ранних кочевников восточной части Южного Зауралья I тыс. до н. э. показывает определенную периодичность резких изменений погребальной обрядности и материальной культуры. Такая перестройка стереотипов культуры кочевого населения Южного Зауралья достаточно отчетливо фиксируются во второй половине VI в. до н. э. и в конце V в. до н. э.

Рассматривая памятники конца VI–V вв. до н. э., оставленные номадами Южного Зауралья, являющимися частью этнопотестарного объединения ранних кочевников Южного Урала, нельзя не обратить внимание на одно весьма примечательное обстоятельство – большинство аналогий ряду предметов материальной культуры находится далеко на востоке – в Семиречье, Юго-Восточном Казахстане, в лесостепи и степи Обь-Иртышья, в Верхнем Приобье, в предгорных районах Алтая, Туве, Минусинской котловине, в северных и северо-западных районах Китая. Причем большинство этих предметов относятся к концу VI – началу V вв. до н. э.

Как представляется близость памятников второй половины VI – начала V вв. до н. э. этих регионов, фиксируемая, прежде всего, по предметам погребального инвентаря, является следствием исторических процессов, протекавших во второй четверти – середине VI в. до н. э. в Центральной Азии (Монголия, Северный и Северо-Западный Китай). Скорее всего речь может идти об изменении соотношения сил в среде кочевых объединений, вызвавшего перемещение племен, главным образом, внутри региона. В основе же этих процессов лежат, по нашему мнению, климатические условия региона в VII – первой половине V в. до н. э.

По данным В. В. Клименко, самое сильное похолодание за последние 5000 лет приходится на середину I тыс. до н.э. (650–280 гг. до н. э.). Это так называемое похолодание ранней субатлантической эпохи. В первой половине V в. до н. э. фиксировались наиболее низкие температуры за период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э. В этот период наиболее крупное потепление приходится на время конца V – середины IV в. до н. э., которое на рубеже V–IV вв. до н. э. прерывается коротким, но интенсивным похолоданием. В IV в. до н. э. и на рубеже II–III вв. н. э. фиксировались наиболее высокие температуры за период с середины I тыс. до н. э. до середины VII в. н. э. [1, 2]. По новым, уточненным данным, похолодание ранней субатлантической эпохи характеризуется как ассиметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н.э. Судя по данным В.В. Клименко и В.А. Климанова, в Северном и Северо-Западном Китае и прилегающих районах Монголии в период похолодания температуры года, зимы и лета были ниже современных в среднем на 0,5°C. Осадков же на всей территории выпадало больше современной нормы. Количество их увеличивалось с севера на юг – до величины в 50 мм/год на юге Ордоса [3]. Таким образом, климат в Северном и Северо-Западном Китае и Южной Монголии в VII – первой половине V вв. до н. э. можно охарактеризовать как более прохладный и влажный, чем современный. Такие климатические условия способствовали развитию скотоводческого хозяйства, расцвету скотоводческих культур, что подтверждается и археологическими материалами из Ордоса и Восточного Туркестана. Длительные же благоприятные климатические условия ведут к росту числен-

ности населения и увеличению поголовья скота, что, в силу различных причин, вызывает усиление подвижности и агрессивности кочевых обществ. Усиление агрессивности приводит, во-первых, к частым междоусобным столкновениям за пастбищные угодья и, во-вторых, к стремлению освоить новые территории за счет соседей.

Очевидно, в результате междоусобных столкновений во второй четверти – середине VI в. до н. э. часть кочевого населения «выплеснулась из центральноазиатского котла». Этот процесс затронул, вероятно, прежде всего Туву и, возможно, Минусинскую котловину. В Туве на смену алдыбельской культуре приходит саглынская, не имеющая, по мнению некоторых исследователей, местных корней. Часть «алды-бельцев» вынуждена была покинуть регион и переместиться на запад, что привело, возможно, к «импорту» алды-бельских традиций в западном направлении [4].

В результате перегруппировки сил в Центральной Азии произошла, очевидно, и общая подвижка населения с востока на запад. В ходе нее кочевое население Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана, примыкающего к Восточному Туркестану и составляющего с ним единое историко-культурное пространство, было частично вытеснено из этого региона. Наличие же в степях Центрального Казахстана мощного объединения номадов, находящегося на стадии расцвета, обусловило два основных направления движения кочевого населения Восточного Туркестана. Одна его часть, двигаясь вдоль предгорий Алтая, достигла Верхнего Приобья, где и закрепились на территориях, ранее занимаемых племенами большереченской культуры. Причем движение в этом направлении имело, вероятно, характер неоднократных миграций («несколько импульсов» – по В.А. Могильникову), не оставивших явных следов на промежуточных территориях. Вторая часть номадов Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана двинулась на запад через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью на Южный Урал. Это движение, скорее всего, имело характер постепенного расселения. Результатом чего стало освоение Семиречья, вхождения отдельных групп мигрантов в состав кочевых и полукочевых объединений Юго-Восточного Приаралья, Южного Зауралья и Приуралья. Вполне вероятно, что в конце VI в. до н. э. какая-то часть этих переселенцев, вместе с примкнувшими к ним кочевниками Южного Урала, устремилась на запад – в степи Северного Причерноморья («новые скифы» – по А.Ю. Алексееву). Следует подчеркнуть, что наличие в составе населения как Южного Урала, так и Верхнего Приобья родственных коллективов обусловило и дальнейшие, на протяжении всего V в. до н. э., связи этих регионов.

Место ушедших на север и запад части номадов Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана заняли кочевники, родственные племенам, проникшим в Горный Алтай и положившим начало пазырыкской культуре. В результате складывается культурное и, возможно, политическое единство населения Алтая, Ордоса и Восточного Туркестана V–III вв. до н. э.

Приход на Алтай в середине VI в. до н. э. центральноазиатских кочевников привел к тому, что часть носителей культуры раннескифского времени под давлением пазырыкцев переместилась «в другие районы Алтая (в основном в северо-западном направлении) и соседние регионы» [5]. В свете этого вполне реальным кажется предположение Н.С. Савельева о том, что в формировании населения восточных предгорий Урала приняли участие раннескифские племена Алтая [6].

Нарисованная нами картина этнокультурных изменений в восточной части степной Евразии выглядела бы гораздо четче, если бы на эти перемещения центральноазиатского кочевого населения не накладывалась миграция саков Центрального и Северного Казахстана не только на север, в лесостепь Западной Сибири, но и на восток, в степное Обь-Иртышское междуречье и Верхнее Приобье. Однако, как представляется, подвижка саков Казахстана произошла позднее миграции кочевников Восточного Туркестана, хотя, вероятно и не на много. Скорее всего, все эти перемещения происходили при жизни одного-двух поколений. Поэтому разграничить их на современном уровне состояния датировок не представляется возможным.

И еще одно замечание. «Факты широких миграций азиатских степных коллективов на запад и на юг не находят пока достаточно отчетливого подтверждения в палеоантропологических материалах, которые имеют в данном аспекте решающее значение. Очевидно, процесс таких проникновений был достаточно сложным и постепенным, скорее всего, многоактным. Если же численность этнического суперстрата намного меньше, чем субстрата, новые антропологические признаки могут проявиться не в комплексе, а в «смазанном» дисперсном виде. Видимо, эти пульсирующие миграции осуществлялись разнокультурными и, скорее всего, разноэтническими коллективами, носителями достаточно специфических комплексов материальной культуры. Конкретные результаты миграций в различных районах не были однозначными и зависели от реальной демографической и социальной ситуации в каждом регионе» [7].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-85109а/У).

Библиографический список

1. Клименко, В.В. Климат и история от Конфуция до Мухаммада / В.В. Клименко // Восток. – 2000. – № 1. – С. 5–32.
2. Таиров, А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям / А.Д. Таиров. – Челябинск: Рифей, 2003. – 68 с.
3. Клименко, В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном Полушарии / В.В. Клименко, В.А. Климанов // Доклады Академии наук. – 2003. – Т. 391, № 3. – С. 393–397.

4. Чугунов, К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы / К.В. Чугунов // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Б.и., 2000. – С. 213–238.

5. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч. I.: Культура населения в раннескифское время / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 232 с.

6. Савельев, Н.С. Формирование иткульского металлургического очага в свете кочевнических миграций раннескифского времени / Н.С. Савельев // Международное (XIV Уральское) археологическое совещание: материалы межд. науч. конф. – Пермь: Ред.-изд. отдел Пермского университета, 2003. – С. 130–131.

7. Яблонский, Л.Т. Культуры сакского типа на территории Средней Азии и Казахстана: единство или многообразие? / Л.Т. Яблонский // КСИА. – 1993. – Вып. 207. – С. 13–18.